

Константин Седых

ДАУРИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 28

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Седых К.

С 28 Даурия : роман / Константин Седых. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 864 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29149-2

Роман Константина Седых «Даурия» часто сравнивают с «Тихим Доном»: это книги о судьбах казачества в XX столетии; о нарушении вековых традиций, которые казались незыблемыми; о разрушении старого мира и становлении нового — пугающего и жестокого для одних, желанного и долгожданного — для других. Описанные в «Даурии» события разворачиваются за многие тысячи километров от донских степей — в Забайкалье. Гражданская война доходит до самых дальних границ страны: на красных и белых разделяются не только жители поселка Мунгаловский, но и члены одной семьи — казаков Улыбиных. Константин Седых называл этот роман любимым детищем, которому отдал «бездну труда»: работа над романом заняла 15 лет. Легенды и предания, архивные источники, воспоминания участников Гражданской войны, научные труды — все это сложилось в красочную панораму Забайкалья начала XX века. «Даурия» была переведена на многие языки, издавалась в Великобритании, США, Франции, Канаде и Югославии; еще при жизни автора роман выдержал более 100 изданий. По книге снят одноименный двухсерийный художественный фильм (1971), в котором роли исполнили Василий Шукшин, Виталий Соломин, Ефим Копелян и другие замечательные актеры.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© К. Ф. Седых (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29149-2

I

Зеленая падь широко и прямо уходит на юг, где сливаются с ясным небом величавые гряды горных хребтов. В пади, под тенистой навесью кустов черемухи и гладкоствольных верб, — голубой поясok неширокой извилистой Драгоценки. В кипрейнике и бурьянах правого берега — черные срубы бань, замшелые плетни огородов, тусклая позолоть крытых тесом шатровых крыш. Из травянистого переулка выбегает дорога, круто срывается в речку, переходит ее и лениво ползет на заречный, дымно синеющий косогор.

На западном краю поселка, у дорожных росстаней — высокий полосатый столб. На столбе — выбеленная солнцем доска. Она указывала раньше название поселка, численность дворов и жителей. Дожди и ветры уничтожили надпись. Только жирно и косо написанная восьмерка осталась в нижнем углу доски. За столбом — сопка с белой часовенкой на макушке, с редкими кустиками дикой яблони на южном склоне. У подошвы сопки щедро рассыпаны в болотном вереске и осоках серебряные полтины мелких озер.

Пятистенный дом Улыбиных у самой речки. Он глядит полуовальными, в желтых наличниках, окнами прямо на полдень. У окна, в огороженном дранками садике, вечнозеленые елки, игластая недотрога-боярка да воткнутые в квадратную гряду колья в хрупких колечках прошлогоднего хмеля.

В войну 1854 года отличился на Дальнем Востоке казак Андрей Улыбин. Англичане пытались высадить в бухте Де-Кастри, защищаемой пешей полусотней забайкальцев, десант морской

пехоты, чтобы изгнать с Амура русских. Пока с судов английской эскадры, окутанных дымом пальбы, летели гранаты и бомбы, Улыбин лежал за камнями. Но едва пальба утихла и к берегу понеслись, сверкая на солнце веслами и штыками, шлюпки десанта, он вместе с другими казаками выполз на рыжий обрыв у входа в бухту. Первым же выстрелом сбил он на передней шлюпке одетого в белый китель рослого офицера с подозрительной трубой в руках. Англичане в замешательстве повернули назад. За это и был Андрей Улыбин первым из забайкальского войска награжден Георгиевским крестом и представлен к производству в урядники.

С Амура Андрей Улыбин вернулся через два года. Принес он оттуда прибитую к берегу морем подозрительную трубу. Вся станица долго ходила к нему любоваться на заморскую диковинку, восхищаясь его боевой удачей. Жить бы ему дома да радоваться, но жить было нечем. Хозяйство его распорухилось, а родители умерли. Идти наниматься в работники он счел для себя зазорным. Первый в войске георгиевский кавалер и вдруг — последний человек в родной станице! Лучше уж мыкать свою долю вдали от родных мест. И Андрей Улыбин начал кочевую жизнь. Из таежных теснин нижней Аргуни скоро выбрался он на степное приволье верховых караулов, где лето и зиму пастухи богатей-скотоводов пасли на подножном корму неисчислимые косяки лошадей и отары овец. Долго пас он в монгольской степи за рекой Керуленом гулевых лошадей знаменитого на все Забайкалье чиндантского богача Шестакова, пока не свела его судьба с бывшим командиром их сотни подъяесаулом Темниковым. В тот год решил Шестаков узнать счет своему богатству. Все табуны и стада его были согнаны в начале сентября в широкую долину Онон-Борзи. Полюбоваться на это редкое зрелище прибыл из Читы с многочисленной свитой сам наказный атаман. С раннего утра до позднего вечера мимо кургана, на котором расположились под высоким белым шатром хозяин и гости, катились пестрыми тучами овцы-монголки, двигался лес рогов, с тяжелым топотом проносились гривастые кони, не знавшие узды. Померкло от пыли над степью солнце, почернела на много верст долина Онон-Борзи, словно прошел по ней ярост-

ный вешний пожар. Когда изумленный всем виденным наказный атаман принялся выражать свое восхищение, Шестаков подарил ему на радостях двадцать рыжих и двадцать вороных жеребцов, а каждого из свиты осчастливил конем на выбор.

Темников, желая сказать приятное хозяину, громогласно сообщил за ужином, что видел среди его пастухов одну войсковую знаменитость. Наказный атаман, узнав, что этой знаменитостью является первый георгиевский кавалер высочайше вверенного ему казачьего войска, пожелал увидеть Улыбина и вскользь заметил:

— Такой казак, и ходит по работникам. Прискорбно, прискорбно...

Шестаков принял замечание властного гостя на свой счет, вспыхнул и начал оправдываться:

— Не знал я, ваше превосходительство... Если вы только разрешите...

— Ничего, ничего, дорогой хозяин... Надеюсь, мы это исправим, — перебил Шестакова наказный.

Когда Улыбин появился в доме и замер навытяжку у порога, наказный изволил милостиво поговорить с ним, а потом небрежно, желая показать свою щедрость, подал ему две двадцатипятирублевые бумажки:

— Вот тебе, братец, от меня за храбрость, — и, видя растерянность Улыбина, весело добавил: — Бери, братец, не робей, рука у меня легкая.

Примеру наказного вынуждены были последовать и другие гости.

Через год Андрей Улыбин, истосковавшись в песчаных степях Керулена по тайге, переселился в поселок Мунгаловский, расположенный на грани лесов и степей. Мунгаловцы, многие из которых знали Улыбина по амурскому походу, приняли новосела радушно, как своего. Скоро женился он на красивой и статной девке из семьи казака-старовера. Человек он был работающий и к тому же крепкого на зависть здоровья. Под стать ему оказалась и молодая хозяйка. И житье у них постепенно стало налаживаться. В трудах и заботах годы текли незаметно. Не успели оглянуться они, как стали три сына женихами, а дочь невестой.

По праздникам шествовал Андрей Григорьевич в поселковую церковь, всегда в окружении сыновей. По правую руку от него шел большак Терентий, румяный, как девушка, казачина, песенник и гармонист; по левую — степенно вышагивал белокурый, слегка сутуловатый Северьян. И, замыкая шествие, ступая след в след отцу, высоко нес чубатую голову меньшак Василий, грамотей и отцовский любимец. Приятно было Андрею Григорьевичу пройти с такими молодцами по улице, людей посмотреть и себя показать. Думал он спокойно дожить до старости, но жизнь повернула по-своему.

Подоспело время провожать на действительную службу Северьяна. Обычно мунгаловцы служили в пеших батальонах, разбросанных в пограничных с Китаем станицах. Но Северьяна взяли служить во вновь формирувавшийся конный Аргунский полк. На строевого коня и обмундирование пришлось пострадать. Еле-еле хватило на справу двух быков и сусека пшеницы. Прореха в хозяйстве получилась заметная. Не успели Улыбины заштопать ее, как началась война с Китаем. В самый разгар сева был мобилизован и ходивший в запасных первой очереди Терентий. А через три недели пришло письмо Северьяна, в котором сообщал он, что Терентия убили в бою под Абагайтуевским караулом.

«...Похоронил я с товарищами родимого своего братца Терентия Андреевича, — писал Северьян, — на чужой стороне, на берегу озера Джалайнор, а крест на его могилу пришлось делать из железнодорожных шпал».

Почернел от этой весты Андрей Григорьевич. За одну ночь приметно осунулось его лицо, глубже легли морщинки у глаз. Повинным в смерти сына считал он в первую голову себя. На проводинах Терентия, подвыпив, наказывал он ему: «Либо голова в кустах, либо грудь в крестах. Нашей родовой не срами». Понял он на старости лет ту горькую истину, что легче умереть самому, чем узнать о смерти сына. Больше всего его убивало, что зарыт Терентий без гроба и панихиды, в чужой земле. «Никто его там, родимого, не попроведает, цветка на могилу не посадит», — горевал он втихомолку.

Равнодушный ко всему, с воспаленными от бессонных ночей глазами, стал просиживать он по целым дням на лавочке за огра-

дой, крепко сцепив ладони на подставленном промеж ног суковатом посохе. Сидел и все поглядывал на заречную сторону, где вилась убегавшая за увалы дорога, по которой должен был возвратиться с чужбины Северьян. Позовут его семейные чай пить, рукой махнет, отвяжитесь, мол. Подойдет обед — и та же история. Повеселел Андрей Григорьевич, когда вышло замирение. Но не отслужил Северьян действительной, как подоспела новая война, куда посерьезней китайской. Пришлось Андрею Григорьевичу снарядить на службу и последнего сына. Осталось его хозяйство без головы. За всем приглядывать, со всем управляться пришлось им вдвоем с малолетним внуком Ромкой, первенцем Северьяна. Солоно им доставался этот догляд, а толку все равно не выходило. Известно, какая сила у стариков и сметка у ребятшек. В том году пережил Андрей Григорьевич еще одну утрату — смерть жены. Умерла она в одночасье. Села после ужина за прялку, повернулась неловко, ойкнула, и хлынула у нее из горла кровь.

Пусто и неприглядно стало в улыбинском доме. Не подымались у Андрея Григорьевича на работу руки.

Прибодрился он, только когда перестал воевать с японцем и вернулся домой Северьян. Истосковавшийся по работе, крепко взялся Северьян за хозяйство. Всякое дело спорилось у него в руках. И постепенно принимала улыбинская усадьба прежний вид.

Довольный Андрей Григорьевич коротал на улице досужее время да приглядывался к соседским девкам. Загодя выбирал он невесту для Василия, обещавшего через год возвратиться домой.

Службу свою Василий отбывал в Чите писарем войсковой канцелярии. До зимы 1905 года Василий аккуратно писал отцу. Но потом — как отрезало. Целых полгода напрасно ходил старик к поселковому атаману справляться о письмах и терялся в догадках, не зная, как истолковать молчание сына.

Вьяснилось все, когда вернулся из Читы сослуживец Василия, орловский казак Масюков. От Масюкова и узнал Андрей Григорьевич, какая беда приключилась с сыном. Забрали Василия во время внезапного обыска в общежитии писарей. Нашли

у него под тюфяком пачку революционных прокламаций. Произошло это в дни расправы над забастовщиками карательных экспедиций Ренненкампа и Меллер-Закомельского.

Потрясла Андрея Григорьевича эта черная весть. Не гадал он, не чаял, что когда-нибудь свалится на его голову такое несчастье. Много испытаний сулило оно семье Улыбиных, много обид и наветов. Но не проклинал его старик, а жалел идущей наперекор всему родительской жалостью. Ни разу не пришла ему в голову мысль отречься от сына, хотя бы только для виду, чтобы сохранить свое положение заслуженного и уважаемого человека. Поддерживало его в этой решимости убеждение, что попал Василий в тюрьму по какой-то досадной случайности.

Но люди рассуждали иначе. «Ни с того ни с сего людей не хватают», — говорили они. Арест Василия был для них равносильным доказательству его вины. И многие посёльщики начали сторониться Улыбиных. Пример этому показал купец Чепалов, переставший отпускать им товар в кредит. Не отстал от него и священник отец Георгий. В престольный праздник разразился он в церкви проповедью о забастовщиках и смутьянах, прозрачно намекнув на одного убеленного сединою почтенного старца, не сумевшего наставить своих детей на путь служения царю и отечеству.

Незадолго перед этим Северьян Улыбин был избран одним из уполномоченных на станичный круг для выборов нового атамана. Богатые казаки потребовали тогда созвать неочередную сходку и добились на ней, чтобы Северьяна заменили другим человеком. Это был жестокий удар, нанесенный самолюбию Андрея Григорьевича. Как оплеванный ушел он со сходки, на которой принадлежали ему раньше лучшее место и первый голос. С тех пор не переступала его нога порога сборной избы. Даже на соседской завалинке, где собирались по праздникам старики, не видели его целое лето. Редко появлялась на людях и его семья, хотя далеко не все посёльщики чуждались ее.

Так прошло около года.

Однажды, когда горевал Андрей Григорьевич на лавочке у ворот, подошел к нему сосед Герасим Косых. Не успев поздороваться, сказал:

— Нынче я, дедушка, вашего Васюху видел. На каторгу его гонят.

Андрея Григорьевича так и подкинуло на лавочке.

— Да что ты говоришь?.. Где же это? — задыхаясь от внезапного сердцебиения, спросил он хриплым голосом.

Герасим снял с головы фуражку, не торопясь обмахнулся ею и только тогда начал рассказывать:

— Я ведь нынче в станицу ездил... Подъезжаю к поскотине, а с другой стороны к ней партия каторжан подходит. Свернул я с дороги, остановился пропустить их. А тут меня и окликнули: «Здравствуй, Герасим». Повернулся на голос и обмер: идет по дороге ваш Василий, кандалами названивает и, глядя на меня, посмеивается. Сразу я его узнал, хоть и отрастил он бороду. Лобто ведь у него приметный, крутой, и бровищами Бог не обидел, на тыщу людей одни такие брови попадаются, как две метелки над глазами. Меня, конечно, по сердцу будто ножом резануло и горло слезой перехватило. Отвечаю ему: «Узнал, брательник, узнал». Тут-то на меня конвойный начальник и рявкнул: «Не смей, такой-сякой, разговаривать! Проезжай давай!»

Поехал я, а Васюха успел мне вдогонку крикнуть: «Поклон от меня нашим передай...» Так вот повстречались мы и разминулись.

Андрей Григорьевич потер кулаком глаза, тяжело вздохнул:

— Исхудал, однако, Василий?

— С лица он шибко бледный, а глаза, как у парнишки, озорные.

— Не заметил, куда их от Орловской погнали?

— Надо быть, в Кутомару. За поскотиной они с тракта направо свернули...

Через неделю Андрей Григорьевич и Северьян, попустившись сенокосом, собрались в Кутомару. Приехав туда, сразу же отправились к начальнику тюрьмы Ковалеву просить о свидании с Василием. Узнав, кто его посетители, не стал Ковалев и разговаривать с Улыбинными, а накричал на них и велел немедленно убираться из Кутомары. Вернулись они домой, не видав Василия.

Довелось Андрею Григорьевичу свидеться с ним только на следующий год, когда на прииск Шаманку из Горного Зерентуя

и Кутомары пригнали работать партию каторжан. Мунгаловцы, часто возившие в Шаманку на продажу дрова, скоро приметили своего земляка, а самые отчаянные даже ухитрились перебраться с ним словечком.

Однажды Андрей Григорьевич повез продавать в Шаманку дрова, надеясь увидеть Василия хотя бы издали.

Каторжане работали на дне глубокого разреза у покрытого льдом искусственного озера. Вокруг них, на рыжих отвалах, опершись на винтовки, стояли конвойные солдаты в полушубках и черных папахах. В разрезе дымно пылали на мерзлой земле костры. Время от времени подбегали к ним погреться каторжане в серых суконных шапках. Тут же надзиратель-приемщик с деревянной саженью в руках принимал от казаков дрова и отгонял прочь каторжан, подходивших слишком близко.

Андрея Григорьевича изрядно прохватило мартовским утренним холодком. Когда он договорился о цене и стал складывать дрова на отведенное приемщиком место, пальцы отказывались гнуться. Редкое полено не валилось у него из рук. Приемщик беззлобно пошутил над ним:

— Эх, старик, старик! Погнала же тебя нелегкая с дровами. Тебе на печи лежать надо, а ты торговать пустился.

— Нужда-то не свой брат, — попробовал улыбнуться Андрей Григорьевич, все время искавший глазами Василия. Надзиратель сжалобился:

— Иди, дед, к огню, погрейся, а я пока с другими займусь...

Василий, давно приметивший отца, зорко наблюдал за ним, стараясь быть к нему поближе. Когда тот подошел к костру и, сняв рукавицы, протянул к огню растопыренные пальцы, Василий поспешил туда же. Он стал на противоположной стороне костра и, чтобы унять волнение, начал ожесточенно потирать над огнем руку об руку. Отец рванулся к нему, но он предостерегающе приложил палец к губам. С трудом отглотнув подступивший к горлу комок, негромко, чтобы не привлечь внимание ближайшего солдата, сказал:

— Ну, здравствуй, отец!

— Эх, Васюха, Васюха, — не удержался, заплакал Андрей Григорьевич. Горько было ему видеть любимого сына в арестант-

ской одежде. — Вот как свидеться-то довелось. — И почувствовал, что земля поплыла из-под ног.

— Ничего, все будет ладно, дай срок, — донесся до него, как из тумана, напряженный голос Василия. — Как живете-то?

— Наша жизнь известная... А вот ты как? За что осудили тебя?..

Ответить Василий не успел. Солдат, заметив, что он разговаривает со стариком, вскинул на него винтовку и скомандовал:

— Уходи! Стрелять буду!

Василий бросился от костра. Медлить было нельзя. Солдат мог и выстрелить. Такие случаи бывали не раз. Андрей Григорьевич, насилу сдерживая рыдание, глядел вслед сыну и не замечал, что рукав его полушубка тлеет и дымится.

Солдат спустился с отвала, подошел к Андрею Григорьевичу:

— Ты зачем, борода, с арестантами разговариваешь? Порядка не знаешь? Позову разводящего, так достанется тебе на орехи... Да ты обалдел, что ли? У тебя весь рукав обгорел.

Андрей Григорьевич схватился в замешательстве за рукав, обжег пальцы и начал снимать полушубок. Солдат, скаля зубы, допытывался:

— Арестант тебе не родня, случаем? Недаром, однако, ты рукав сжег?

— Сын он мне, — с решимостью отчаяния выпалил Андрей Григорьевич и пошел на солдата, выпятив свою квадратную нестариковскую грудь. — Стреляй меня, коли, если рука подыметя!

Солдат испуганно отшатнулся, побледнел и, понизив голос, сказал:

— Ладно, папаша... Ты ничего не говорил, я ничего не видел. Только уходи скорее. Вон разводящий идет.

Андрей Григорьевич поспешил к своему возу. Увидев его сожженный рукав, приемщик расхохотался:

— Вот это погрелся. Так еще разок погреешься, без шубы домой приедешь...

Тяжелее прежнего стало у Андрея Григорьевича на сердце после такого свидания с сыном. Сам он больше не стремился взглянуть на Василия. Не хотелось растревлять себя понапрасну.

Но Северьяна отправлял в Шаманку с дровами несколько раз. Только летом, когда «казна» не покупала дров прямо в разрезах, увидеть Василия можно было лишь во время переходов каторжан с работы на работу. При таких встречах нельзя было перекинуться ни единым словом. После первого снега казенные работы прекратились, и каторжан разогнали зимовать по тюрьмам. А на следующий год Василий почему-то совсем не попал в Шаманку. И Улыбины стали как-то свыкаться с мыслью, что еще долго им не видеть его. Со временем у Северьяна и его семьи более свежие заботы стали заслонять заботу о судьбе Василия. Но Андрей Григорьевич думал о нем постоянно. И от этого здоровье старика стало еще больше сдавать. Мучила его одышка, бил по ночам кашель, ныли к погоде кости. Исчезла куда-то и его молодеватая походка, поуже стала грудь, и не так-то просто становилось залезать на печь, которая теперь по-особенному полюбилась Андрею Григорьевичу. «Видно, и помру, не дождавшись сына с каторги», — горевал старик на печи, тоскующими глазами наблюдая за снующими по потолку тараканами.

II

Над синими силуэтами заречных хребтов, в желторудых просторах рассветного неба, лежали, похожие на гигантских рыб, сизые облака. По краям облаков играли алые блики — предвестники солнца. От Драгоценки тянул зябкий утренний ветерок.

На выкрашенное охрой, в точеных перилах крыльцо вышел, позевывая, сутулый и желтоусый Северьян Улыбин. У него побаливала в это утро пробитая японской пулей нога. Почесав волосатую грудь, повздыхав, грузно протопал он по ступенькам крыльца.

Под крытою камышом поветью, в тени, понуро стояли дремлющие Гнедой и Сивач. У омета прошлогодней соломы лежали два круторогих быка. На одутловатых бычьих боках холодно поблескивала роса. Северьян прошел в сенник. Поплевав в широкие мозолистые ладони, привычно взялся за вилы-тройчатки. Кони подняли головы, оживились. Шумно сопя и отряхиваясь,

встали с соломы быки. Там, где они лежали, тоненько вился синий пар.

Пока Северьян кидал им хрусткое, пахнущее медом сено, с крыльца спустился в ограду Роман, невысокого роста, смуглый и круглолицый крепыш. Из-под выцветшей, с желтым околышем, старой отцовской фуражки на загорелый Романов лоб выбивалась темно-русая прядка чуба. Полуприкрытые ободками длинных и темных ресниц, полыхнули озерной синью его глаза, когда он вприщур поглядел на солнце, встающее из-за хребтов.

Одет был Роман в вышитую колосьями и васильками, много раз стиранную рубаху, туго стянутую наборным ремнем. Широкие из китайской далембы штаны были заправлены в ичиги, перевязанные пониже колен ремешками. На концах ремешков болталась пара сплюснутых, с тупыми концами пуль.

Закинув за голову руки, Роман потянулся, улыбаясь неведь чему. Северьян глядел на него и самодовольно покашливал. На мгновение ему показалось, что это стоит и потягивается не Ромка, а он сам, когда ему было девятнадцать лет.

Роман подошел к столбику коновязи, снял сыромятный недоуздок и оживленно спросил:

— Куда поедем, пахать или по дрова?

— Нет, — глухо отозвался, пряча ласковую усмешку в усах, Северьян. — Я сегодня у Софрона в кузнице сошник наварю. Договорился я с ним вчерась. А ты поедешь за Машкой. Надо ее, паря, из косяка домой пригрудить. Ей ведь вот-вот пора опростаться. Пусть это время дома поболтается, а то как бы жеребенка не решиться...

У Улыбиных в косяке купца Чепалова гуляла трехгодовалая кобыла Машка. По расчетам Северьяна, Машка скоро должна была обзавестись потомством. Жеребенка от нее нетерпеливо ждали в семье все, начиная от деда Андрея и кончая белоголовым семилетком Ганькой. Кобылу водили случать в станичную конюшню с породистым жеребцом-иноходцем. И теперь в беспокойных хозяйских мечтах Улыбины видели себя обладателями резвого иноходца, о котором с завистью и восторгом будут говорить по всей Аргуни.

— На каком коне поеду?

— На Гнедом придется. Сивач, тот чтой-то на переднюю ногу жалится. Перековать его, однако, надо... Чай пил?

Роман мотнул головой.

— Тогда сгоняй попоить да и отправляйся с Богом. Только смотри, не летай сломя голову. Увижу — семь шкур спущу...

Роман ничего не ответил.

У Драгоценки радостно пахли распутившиеся вербы, гляделся в воду никлый старюка камыш. Вровень с кустами стлался над заводями волнистый туман. На фашинном гребне мельничной плотины в подсученных выше колен штанах стоял Никула Лопатин, низкого роста, скуластый и гололицый, любивший поговорить казак. Роман поздоровался с ним.

— Чего ни свет ни заря поднялся?

— Морда у меня поставлена. Вытаскивать собрался, да вода дюже холодная. Ну, попробую...

Никула перекрестился и побрел в воду, зябко подрагивая всем телом и тоненько, по-бабьи, вскрикивая.

— А какая тебе неволя мерзнуть?

— Э, паря, не знаешь ты моей Лукерьи! Захотела рыбки — вынь да положь.

Никула ухватился за торчавший из воды березовый кол, потянул. Частая, плетенная из таловых прутьев морда вынырнула из воды, медленно кружась на месте.

Никула поднял морду, встряхнул. Гривнами сверкнула в ней рыба мелочь. Вытащив морду на сухое, вынул из горловины ее травяную затычку. В котелок из красной меди посыпались корки хлеба и бисерные гальяны.

— Вот и уха будет, а ты говорил...

Докончить он не успел. Большой табунок чирков со свистом пронесся над ними и круто упал в камышовой старице. Невнятно всплеснулась в той стороне вода...

— Близо уселись, — по звуку определил Никула. — Надо бы мне дробовик с собой взять! — И вдруг напустился на Романа. — А ты чего стоишь, голова садовая? Я бы на твоём месте живо за ружьем сбегал да и ухлопал парочку.

Роман повернулся на одной ноге и кинулся с плотины, подхватив на бегу слетевшую с головы фуражку.

В кухне, на обитом цветной жестью красном сундуке, переобувался отец. В кути орудовала ухватами и чугунами мать,

а дед Андрей с Ганькой сидели за самоваром. Увидев в дверях Романа, все переполошились. Авдотья опрокинула чугунок с водой.

— Что стряслось?

— Утки там... За ружьем я...

— Ну и бешеный, напугал всех. А заряды у тебя припасены?

— Вчера у Тимофея Косых занял.

В горнице на ветвистых рогах изюбра, прибитых к простенку, висел пистонный дробовик. Роман торопливо схватил его и, расстав по карманам мешочки с порохом и дробью, побежал на речку.

— С той стороны скрадывай. Там место способнее, — махнул Никула рукой на зарежье.

По зеленеющим кочкам добрался Роман до старицы. Не жалея штанов и рубахи, пополз на курчавый разлапистый куст черемухи. Осторожно раздвинув ветви куста, обмер: утки дремали на розовой воде в двадцати, не более, шагах. Трясущими руками он взвел курок. Неожиданно для самого себя нажал спуск. Широко развернув перебитые крылья, четыре утки ткнулись зелеными клювами в воду, медленное течение закружило их.

В ограде Роман встретил отца, тот полюбовался на уток, похвалил:

— Молодцом, молодцом... Неужто с одного заряда своротил?

— С одного.

— Силен, значит. Мог бы при случае и с Васюхой потягаться, будь он у нас дома. Охотник он тоже завзятый был, по праздникам с утра до вечера на озерах пропадал. — Вздохнув от нахлынувших воспоминаний, Северьян сказал: — Давай я твоих уток матери отнесу, похвастаюсь. А ты седлайся да поезжай.

Роман достал из амбара казачье седло с бронзовыми инициалами отца на передней луке, смахнул с него веником мучной бус, набил в седельную подушку ветоши и стал седлать Гнедого. Когда, поигрывая витой нагайкой, выезжал из ограды, Северьян распахнул окно, навалился грудью на подоконник и хрипло крикнул:

— Помни, Ромка, о чем мой сказ был, а то лучше глаз домой не кажи!

— Ладно, — отозвался сын и огрел Гнедого нагайкой. За Драгоценку, на выгон, он поехал не сразу. Крупным аллюром, избоченясь в седле, промчался через всю Подгорную улицу. Нагайкой отбивался от рослых свирепых собак. С остервенелым лаем выбегали они на дорогу, норовили схватить Гнедого за ноги. Только проехав училище и голубую нарядную церковь на бугре у ключа, свернул в проулок.

...У Драгоценки, на берегу, босоногие девки в высоко подобранных юбках толкли в деревянных, похожих на большие рюмки ступах пшеницу, которую тут же полоскали решетками в речке и сушили на полосатых холстинах. Около телеги с поднятыми вверх оглоблями обливался молочным паром начищенный до блеска пузатый полутораведерный самовар. Высокая сгорбленная старуха в малиновом повойнике суетилась у телеги. Она выкладывала из берестяных турсуков на махровую скатерть пышные булки, узорчатые фаянсовые стаканы, блюда и туески с молоком.

— Бог на помощь! — набравшись смелости, поприветствовал девок Роман, небрежно похлопывая нагайкой по голенищу.

Девки дружно, наперебой защебетали:

— Заезжай к нам, чаем попотчuem.

— Некогда, а то бы с удовольствием.

— Да ты постой, постой, — бежала к нему Дашутка Козулина, румяная, туго сбитая деваха с карими насмешливыми глазами. Она придерживала на бегу длинную каштановую косу, переброшенную на грудь, и смеялась, показывая влажно блестящие на солнце зубы.

Роман натянул поводья, остановился.

— Что за дело у тебя ко мне завелось? — скрывая внезапно охватившую его радость, с напускным безразличием спросил Роман, давно отличавший Дашутку из всех поселковых девчат.

— Да уж завелось. Слезай с коня, на ухо скажу... — сыпала торопливым говорком Дашутка, и в больших глазах ее посверкивали озорные искорки.

— Не глухой, с коня услышу. Сказывай, а то мне ехать надо.

— Да ты постой, постой.

— Вот еще, стану я стоять, — недовольно говорил Роман, а сам потуже натягивал поводья, не собираясь уезжать.

Дашутка схватила Гнедого за поводья, повисла на них. «Вот зараза», — восхищенно глядел на нее сразу вспотевший Роман и не заметил, как с другой стороны подкралась к нему с ведром воды Агапка Лопатина. Ловко размахнувшись, окатила она Романа с головы до ног. Гнедой, словно попала ему под седло колючка, яростно взмыл на дыбы и понес. Роман едва удержался в седле.

— Ах, так вот вы как? — разобиделся он на девок. — Теперь я с вами разделаюсь. А с тобой, Дашка, с первой.

Он низко пригнулся к луке, пронзительно гикнул и в намет полетел на девок. Они с визгом и хохотом бросились в кусты. Самые отчаянные отбивались от него хворостинами и пестами, плескали в морду Гнедому воду. Но, минуя их, Роман гнался за Дашуткой. Она бежала к заброшенной мельнице, и коса ее билась по ветру. У самого мельничного колеса он догнал ее, схватил за руку. Дашутка, тяжело дыша, обернулась. Он с силой рванул ее к себе, так что треснула на ней сарпинковая кофта, нагнулся, обхватил поперек и кинул в свое седло.

— Попалась, голуба! Теперь я тебя купать буду.

Он двинул Гнедого ичигом в бок, с крутого берега съехал в воду. Дашутка, всхлипывая, закрывая платком глаза, билась в его руках. И нельзя было понять — плачет она или смеется. Роман, зачерпнув в ладонь воды, вылил ее Дашутке на шею. Она ахнула и стала просить:

— Отпусти, Ромка. С тобой пошутили, а ты взаправду. Шуток не понимаешь. — Она рванулась и поняла, что не вырваться. — Да отпусти же, леший! Кому говорят?

— Не отпущу... Перепугалась небось? — заглядывал он ей в глаза и, забыв про обиду, довольно посмеивался.

— Чуть руку не оторвал мне, — жаловалась, прижимаясь к нему, Дашутка. — Да что же ты меня держишь? Сейчас же отпусти!..

Роману хотелось ее поцеловать, но, испугавшись своего желания, он поторопился выехать на берег и спустил Дашутку на землю.

Не оглядываясь, поехал он в бугор. Выжимая на берегу замоченную в речке юбку, Дашутка бросила вдогонку:

— Эх, Ромка, Ромка, худой из тебя казак!

— Ладно, в другой раз не попадайся.
— Не попадусь. А попадусь, так вырваться — раз плюнуть.
— Посмотрим, — прыгнув с седла, ответил Ромка. Пока подтягивал чуть ослабевшие подпруги, слышал, как потешались девки над Дашуткой.

— За что это он тебя пожалел, не выкупал?

— Откупилась, поди, чем-то?

— И как он ее, такую колоду, на седло вскинул!

Дашутка со смехом отшучивалась:

— Как же, стану я откупаться. Не на такую напал.

— А пошто не вырывалась?

— Вырвешься от такого, как же. Он мне все кости чуть не переломал...

— Будет вам, халды!.. Раскудахтались. Работа-то ведь стоит, — оборвал девичью веселую перепалку скрипучий голос. И сразу же тупо и мерно застучали песты, зашумела в решетках пшеница.

III

За излуками Драгоценки начинался выгон — тысячи десятин целинного, отроду не паханного простора. Многоверстная поскотина вилась по мыскам и увалам, охватывая замкнутым кольцом зеленое приволье, где отгуливались казачьи стада. Белесый ковыль да синий, похожий на озера, покрытые рябью, острец застилала бугры и лощины.

Роман пустил Гнедого в намет. Он любил скакать в степную необозримую ширь. Смутно видимую вдаль поскотину сразу вообразил он идущей в атаку пехотной цепью, а березы — зелеными знаменами, развернутыми над ней. Вместе со скачкой к нему всегда приходили мечты, упоительная игра в иную, выдуманную жизнь, где любое дерево и камень ширились, росли и могли превращаться во что угодно. При всяком удобном случае погружался он с радостью в беспредельный мир своей выдумки. Никогда ему не было скучно наедине с самим собой. Сбивая нагайкой дудки седого метельника, упрекал он себя: «Зря я оробел. Надо было ее поцеловать. И как я раньше не замечал,

что она такая отчаянная». Южный ветер бил ему прямо в лицо, степь пьянила запахом молодой богородской травы, и запел он старую казачью песню:

Скакал казак через долину,
Кольцо блестело на руке,
Кольцо от той, кого покинул
Для службы царской вдалеке.
Кольцо красotka подарила,
Когда казак пошел в поход,
Она дарила, говорила:
— Твоею буду через год.

Косяк он нашел не скоро. Солнце стояло уже прямо над головой, когда меж клыковидных утесов, в распадке, у ручья увидел он около тридцати разномастных, монгольской низкорослой породы, кобылиц. Вислоухий и белоногий чепаловский жеребец Беркут стоял на пригорке, разглядывая подъезжающего человека.

Роман выехал на пригорок. Беркут тупо стукнул нековаными копытами, повернулся, пошатываясь, побрел к косяку. Вид у него был усталый, словно сделали в эту ночь на нем непосильный пробег. «С чего он такой вялый? — подумал Роман. — Захворал, никак». Он догнал жеребца, объехал вокруг и заметил на правом его предплечье, вершка на два пониже шеи, косяю рваную рану. Когда Беркут шагал, рана раздвигалась, показывая матово-белый комок плечевого мускула. «Да его, кажись, волк хватил. Вот незадача. Все ли у него в косяке ладно?» Роман спустился с пригорка, внимательно разглядывая косяк. Машки не увидел. «Где это она? В кустах разве?» Он направил коня в тальник на берегу ручья, едва опушенный длинной и узкой листвой. Кобылицы там не было.

— Машка! — громко позвал он и ждал ее ответного ржания. Но только короткое, равнодушное эхо повторило его голос в знойных голых сопках. Потревоженный косяк перебрался на противоположный берег и медленно стал удаляться на залежи к сопкам. И тут только страшная догадка защемила Романо-во сердце. Из рук его выпали поводья. Он вдруг почувствовал, что нестерпимо хочет пить. Долго искал удобного места, чтобы

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ СЕДЫХ

ДАУРИЯ

Ответственный редактор Валерия Андопкина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Анна Парфенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-38267-01-R